

А. А. Иванов, А. В. Репников

«Болгарская измена»:
русские правые о вступлении Болгарии
в Первую мировую войну на стороне
Центральных держав

Иванов

Андрей

Александрович,

доктор исторических

наук, доцент,

Российский

государственный

педагогический

университет

им. А. И. Герцена

(Санкт-Петербург,

Россия)

Репников

Александр Витальевич,

доктор

исторических наук,

профессор,

Российский

университет

театрального

искусства

(Москва, Россия)

Отношение русских консерваторов начала XX в. к «славянскому вопросу» в целом было достаточно прагматичным и лишенным сентиментальности. Особенно скептическим был взгляд на болгар, достаточно быстро, по мнению консерваторов, забывших благодеяния России и ставших орудием интриг Австро-Венгрии и Германии. Если славянофильские, националистические и либеральные круги видели в освобожденных Россией от турецкого ига болгар «братушек», то консервативный лагерь был в этом отношении далек от иллюзий.

Еще в конце XIX в. К. Н. Леонтьев в статье с характерным названием «Наше болгаробесие», возмущался тем, что «только одни болгары у нас всегда правы, всегда угнетены, всегда несчастны, всегда кротки и милы, всегда жертвы и никогда не притеснители», а «все болгарские интересы считались почему-то *прямо русскими интересами*; все враги болгар — нашими врагами»¹. В период, когда другие консервативные мыслители увлекались панславизмом, К. Н. Леонтьев задавался неудобными вопросами: «И отчего наши лучшие умы как бы в затмении, когда речь идет о болгарах, об этом бессодержательном и в то же время загадочном народе, *уже раз в своей истории послужившем главным предметом раздора и разрыва между Римом и Византией?* Не рок ли это?»² Критикуя выход Болгарской православной церкви из подчинения Константинополю, а также западнические либерально-прогрессивные идеи, охватившие верхушку болгарского общества, мыслитель заключал: «“Старые” славянофилы воображали себе, что затмение турецкого полумесяца повлечет за собою немедленно яркий восход сияющего Православного солнца на Христианском Востоке. Они мечтали о каких-то патриархально освежающих *югославянских* родниках! Как возвышенны, как благородны были эти мечты! Как упорно сохранились они у немногих,

оставшихся *прежними* славянофилами и доньне! И как ошибочны эти надежды, как призрачен этот яркий, своеобразный культурный идеал! [...] Как было не понять, что какому-нибудь болгарскому учителю, купцу, доктору, депутату и даже министру из мужиков или лавочников недоступно и нежелательно то, что было так ясно и так желательно Киреевскому, Хомякову и Аксаковым?.. [...] Живя в Турции, я скоро понял истинно ужасающую вещь; я понял с ужасом и горем, *что благодаря только туркам* и держится еще многое истинно православное и славянское на Востоке... Я стал подозревать, что отрицательное действие мусульманского давления, *за неимением лучшего*, спасительно для наших славянских особенностей и что без турецкого презервативного колпака разрушительное действие либерального европеизма станет сильнее...»³ Поэтому, заключал К. Н. Леонтьев, «панславизм — неизбежность... Но панславизм православный есть спасение, а панславизм либеральный есть гибель *прежде всего для России!*...»⁴

Видный член Всероссийского национального союза профессор П. И. Ковалевский, отмечая в начале XX в., что оказание «братьям-славянам» постоянной поддержки — дело похвальное, вместе с тем предупреждал, что «таким нашим заступничеством мы добились того, что все эти наши славянские братья смотрели на нас, как на своих обязанных батраков. Как только кто избидит их, так Россия и должна их выручать. Если выручит — так и должно быть. В благодарность те же вырученные братушки и лягут эту глупую Россию...»⁵ Так же считал и член Русского народного союза им. Михаила Архангела полковник Ф. В. Винберг. Замечая, что в славянском мире его симпатии ограничиваются сербами, Винберг полагал, что «великая Всероссийская Империя давно переросла идею славянства и все идеалы славянофилов, которых влияние на русскую политику принесло много вреда русским государственным задачам». «Разумеется, — оговаривался Ф. В. Винберг, — не надо исключать возможности иногда, при случае, и помочь какому-нибудь славянскому племени, если время и средства допускают осуществление такой душеспасительной затеи; но помочь ему как отдаленному, бедному родственнику, ничего не ожидая взамен: ибо исторический опыт нас учит, что взамен бывает всегда только черная неблагодарность»⁶.

Постепенная утрата Россией своих позиций в освобожденной от турецкого ига Болгарии, в частности выразившаяся в избрании на княжеский (1887), а затем и царский престол (1908) Фердинанда I Кобурга — австрийского немца, была воспринята в правых кругах как неблагодарность и измена. Д. И. Иловайский даже предлагал двинуть в Болгарию русский корпус и добиться утверждения русского кандидата на княжеском престоле⁷. «Раз Россия удалась оттуда и предоставила свободное поле враждебным державам, эти державы, конечно, поспешили завладеть полем, и сама Болгария бессильна от них освободиться», — полагал историк⁸. В итоге, резюмировал он в 1887 г., Болгария оказалась в руках «шайки лжеправителей», являющихся «марионетками в руках англо-австро-германских дипломатических агентов»⁹. «Почему на сей раз выбор остановился на Фердинанде Кобурге,

а не на ком-либо из многочисленных протестантских принцев Германии, также нетрудно догадаться, — рассуждал Иловайский. — Как *австрийский* принц он является будто бы посторонним человеком для Берлина и давал сему последнему возможность отклонять русские протесты в сторону Австрии; а как *католик*, он находит поддержку в Римской курии, которую, как известно Бисмарк старается привлечь к союзу с пангерманизмом против славянства. Наконец, как *родственник* по матери французским *Орлеанам*, Кобург дал Бисмарку возможность объяснять его водворение в Болгарии какою-то орлеанскую интригою¹⁰. «Признать Кобурга, — писал в 1894 г. историк, — значит утвердить немецко-католическую династию в православной славянской стране, освобожденной потоками русской крови, почти отдать ее на съедение своим врагам и собственными руками разрушить свое создание. <...> На Балканском полуострове это еще более завзятый представитель немецкого *Drang nach Osten*, чем католические Гогенцоллерны, водворившиеся в Румынии»¹¹. Поэтому, заключал Иловайский, избрание на болгарский престол Фердинанда — это результат «интриги и домогательств, явных со стороны Вены и скрытых со стороны Берлина», преследующих германские интересы на Балканах и направленных против России»¹².

После того как развязавшая Вторую балканскую войну (1913) Болгария выступила против единоверных Сербии, Черногории и Греции, а затем, потерпев поражение, сделала ставку на сближение с Австро-Венгрией «в общей цели вновь перекроить Балканы»¹³, русские консерваторы окончательно утвердились во мнении, что рассматривать болгар в качестве союзников не приходится. «Правящая элита, в особенности военные, вынашивала идеи реванша; правительство либералов вместе с царем мечтало реализовать внешнеполитические задачи с помощью Берлина и Вены. Реваншистские настроения руководство страной подогревало с помощью беженцев с территорий Южной Добруджи, Македонии и Фракии, отошедших к соседним странам. Уже в 1914 г. правящие партии и их печать начали интенсивную подготовку новой войны. Газеты либеральных партий развернули антисербскую и антирусскую пропаганду»¹⁴. Другим тревожным симптомом стал отказ болгарского правительства, остро нуждавшегося в средствах, от русско-французских предложений по займу в пользу менее выгодных условий, исходивших от немецких банков¹⁵. Поэтому объявление Болгарией сначала нейтралитета, а затем мобилизации, с последующим вступлением в войну на стороне Центральных держав, пообещавших ей Македонию, Поморавье, Фракию, Южную Добруджу (в случае выступления Румынии на стороне Антанты) и военный заем на сумму 500 млн марок, стало для русских правых хотя и прискорбным, но отнюдь не неожиданным событием.

Заявление Болгарии о своем нейтралитете вызвало в русской правой печати негодование. «Хитрые болгарские лисицы», «балканские авантюристы», «немецкие холопы», «позор славянской семьи» — этими и другими прозвищами консервативные издания «награждали» болгарские власти, которые, прикрывшись нейтралитетом, оказывали помощь

На странице 201:

**Болгарский пехотинец времен
Первой мировой войны**

**Плакат с изображением Вильгельма II,
Франца-Иосифа и Фердинанда I**

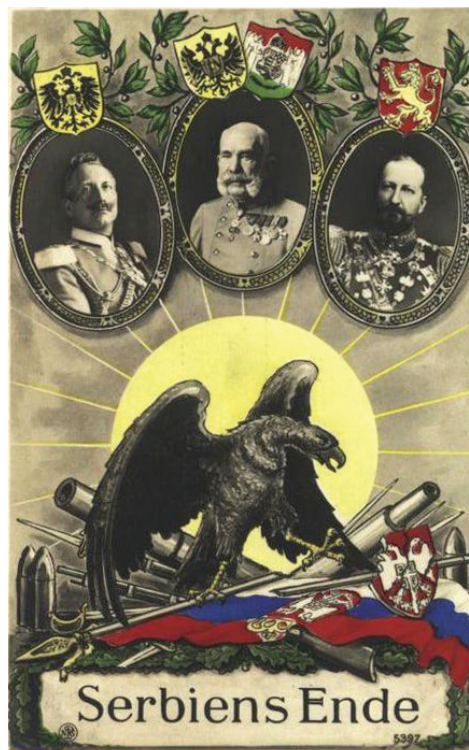
**Внизу: Плакат с изображением
Четвертого союза**

На странице 200:

Царь Болгарии Фердинанд I

Внизу: Болгарская армия

австро-германскому блоку. «Болгарский “нейтралитет” был во все времена сшит белыми нитками и сшит очень плохо, из-за этого “нейтралитета” и без мобилизации, без официального соглашения с Турцией ясно выступало болгарское предательство, игра в руку немецким родственникам царя Фердинанда, и какое же, казалось бы, остается место теперь-то для дальнейшего доверия, когда карты окончательно раскрыты и гнусная братоубийственная игра уже начата? К глубокому удивлению, наши и союзные дипломатические круги, по-видимому не желают снимать розовые очки [...] и дипломатия России и союзников [...] готова доверчиво ждать “дальнейших шагов Болгарии”. Но дальнейшие шаги болгарских предателей могут быть только в том направлении, что они либо врасплох нападут на злосчастную Сербию, либо пропустят австро-германские войска через свою территорию по дороге к Константинополю», — отмечала монархическая «Курская быль»¹⁶. Д. И. Иловайский разразился на страницах своего издания статьей, в которой называл болгарского царя австро-германским агентом, и упрекал российскую дипломатию за то, что она после Второй балканской войны ничего не сделала для устранения Кобурга. «Наступила великая Европейская война, и тотчас воочию обнаружилось, что на Болгарском престоле сидит австро-германский агент, боящийся потерять свои наследственные владения в Австрии, капиталы, хранящиеся в австрийских банках. Во главе министерства остается старый проходимец и представитель гнусной стамбуловщины Радославов, который, конечно, крепко держится своего ставленника и с легким сердцем продает свою родину. Вот почему все русские протесты против их предательского нейтралитета, явно помогающего немцам и туркам, остаются безрезультатными. И все разговоры болгарских правителей о каких-то компенсациях суть только предлоги выигрывать время, пока можно будет открыто выступить против России и Тройственного соглашения. Как могут несчастные болгары принять участие в освободительной войне против немцев или турок, когда они сами нуждаются в освобождении»¹⁷. «После войны я желал бы еще раз побывать в многострадальном Белграде, но никак не в Софии, пока там царствует Кобург. Прощай, Болгария!» — заключал консервативный публицист в своей статье¹⁸.

17 августа 1915 г. видный теоретик консерватизма Л. А. Тихомиров предрекал в дневнике: «Болгария вступила с Турцией в соглашение. И как знать — эти болгарские Иуды не ударят ли на нас открыто?»¹⁹ Объявленная Болгарией 9/22 сентября 1915 г. мобилизация вызвала всплеск публикаций в правой прессе. Поначалу, надеясь образумить болгар, русские правые, не жалея хлестких эпитетов по адресу царя Фердинанда и правительства В. Радославова, были достаточно сдержанны в отношении единоверного славянского народа, который представлялся ими жертвой германской интриги. «...Обязанный своим саном России, — писали “Московские ведомости” про болгарского царя, — Фердинанд Кобургский дошел в своем вероломстве и в измене национальным основам своего славянского государства до крайних пределов»²⁰. Фердинанд, продолжало издание, «прямо

рискует своей гибелью, о которой никто не пожалеет. Но русский народ глубоко сожалеет об участии единоплеменного и единоверного ему народа болгарского, если он своевременно не остановит рискованную затею обезумевших правителей своих»²¹. Поэтому, критикуя «рабскую зависимость» болгарских властей («софийских предателей») от немецкого кайзера и обвиняя их в том, что они «продали немцам болгарский народ», газета заверяла русских читателей, что простые болгары верно оценили «значение предпринятой немецким принцем на болгарском престоле мобилизации, которая в конце концов приведет их к столкновению с освободительницей Россией», и потому уклоняются от мобилизации и массово дезертирует из армии»²². Но поскольку никаких массовых протестов со стороны болгарского общества в отношении внешнеполитического курса, избранного правительством, не последовало, «Московские ведомости» были вскоре вынуждены констатировать, что болгарский народ стал «слепым орудием в руках злейших врагов славянства». «Несчастье страны заключалось в том, что в эту знаменательную годовщину, когда идет борьба между германским и славяно-романским миром и в частности о судьбе балканских государств, во главе Болгарии очутились люди, известные своей преступной деятельностью, неоднократно причинявшие отечеству бедствия, предводительствуемые Фердинандом Кобургским, обманом и ложью добившимся болгарского престола, превратившие столицу освобожденной Россией от тяжкого ига страны в гнездо измены, коварства, интриг и предательства», — патетически заявляло консервативное издание»²³. Фердинанд I обвинялся в том, что, насадив в Болгарии «Кобургию», он четверть века «вел предательскую политику по отношению к России, опираясь на шайку клеветов, думавших при его помощи грабить болгарский народ. [...] Принимая всякие блага от освободительницы своего народа, он всю политику направил к тому, чтобы отчудить этот народ от своей покровительницы и содействовать успехам на Балканах врагов России и болгар»²⁴. Но и за несколько дней до вступления Болгарии в войну «Московские ведомости» все еще продолжали верить в «славянское сознание болгарского народа, в большинстве преданного и благодарного Державе-Освободительнице балканских народов от мусульманского ига»²⁵. В этом плане характерно представленное на выставке миниатюр из цветных камней, проходившей в Петрограде в 1916 г., произведение А. К. Денисова-Уральского, изображившего Болгарию в лице Фердинанда вошью — одной «из самых противных разновидностей паразитов», высасывающих «кровь из славянского сердца»²⁶.

Выражавшая взгляды Союза русского народа газета «Земщина», взывая к болгарам, призывала их не забывать, что «толкая Болгарию в омут подлости и предательства, Вильгельм мало заботится об ее судьбе», поскольку ему нужно лишь «увеличить число наших врагов, рассеять *наше* и союзников внимание, отвлечь часть *наших* сил от австро-германского фронта, а что станет с Болгарией — не все ли равно Вильгельму?»²⁷ Практически сразу же после объявления Болгарией мобилизации «Земщина» разместила на своих страницах

открытое письмо офицера-болгарина, сражавшегося с немцами в рядах русской армии, военному министру Н. Т. Жекову (вскоре ставшему верховным главнокомандующим болгарской армией), которого автор обращения просил одуматься и не совершать «преступления против славянства». Отмечая, что Болгария «переживает самый трагический момент всего своего существования», автор открытого письма взывал также к патриотизму министра, которого пытался убедить, что Европа никогда не будет немецкой, а в случае присоединения к Антанте у Болгарии есть все шансы получить Македонию, на которую она претендовала. *«Куда идет Болгария в порыве нетерпения? Вспомните катастрофу 1913 года. Радославов обманывает и народ и армию. Спасите вверенную Вам честь болгарской армии. Отведите ее от той пропасти, в которую ее толкают авантюристы. Во имя своих интересов, своего прошлого и своих священных традиций — пусть Болгария воздержится от нападения на сербов. Напасть на сербов значило бы напасть на союзников и на Россию-освободительницу»,* — отмечал автор открытого письма²⁸. Возмущаясь тем, что руководители болгарской политики собираются заключать союз с турками, «которые еще недавно истребляли болгар так, как они теперь истребляют армян», офицер-болгарин заявлял военному министру Болгарии: «...Раньше, чем подписать приказ о выступлении против сербов, прикажите свалить с пьедестала статую Царя-Освободителя, спасшего Болгарию. На том месте, где стоит эта статуя, выройте большую черную яму и положите туда список всех русских, погибших на Балканах, и всех болгар, убитых под Люле-Бургасом, Бунархисаром, Булаиром и Чаталджой. Положите сверху большую гробовую плиту, и на том месте, где прежде красовалась надпись “Царю-Освободителю благодарная Болгария”, начертайте эпитафию “Здесь покоится неблагодарная Болгария”»²⁹. К братству по оружию, некогда бывшему между двумя странами, взывали и «Московские ведомости», напоминая, что в России за 38 лет независимости Болгарии воспитывалось «очень много кадет, юнкеров, офицеров и всякой другой молодежи». «Каково же их положение, их душевное переживание в данный момент, когда предстоит им встретиться “врагами” с дорогими однокашниками русскими? — задавалось вопросом издание. — Среди болгарских офицеров есть много женатых на русских, как и среди болгарок отданных замуж за русских: что должны испытывать эти несчастные жертвы Фердинанда и его клеветов?»³⁰

Правая «Курская быль» в ответ на объявленную болгарями мобилизацию рекомендовала русскому правительству пригрозить Софии войной, так как если правительство Стамбула вступило на путь, враждебный русским интересам, то войны все равно не миновать³¹. А более радикальное «Русское знамя» упрекало российскую дипломатию в том, что она не последовала примеру немцев, занявших нейтральную Бельгию, и не послала наши войска в «предательскую Болгарию»³². Но и это издание не оставляло надежды на то, что болгарский народ «одумается», публикуя подобные призывы даже после нападения Болгарии на Сербию:

Остановись, народ болгарский,
Подъятый меч свой опусти
И на союз турко-мадьярский
Свою страну не допусти [...]

У вас есть памятник в Софии;
Взгляните, Кто на нем стоит,
И неужели о России
Он вам собой не говорит?
То Он, Державный Повелитель,
В защиту вашу с Русью стал
И с Нею, Царь-Освободитель,
На вас те цепи разорвал... [...]

Остановись же, люд болгарский,
Сей грех на душу взять страшись,
И на союз турко-мадьярский
Идти с Кобургом откажись³³.

Робкие надежды на «вразумление» болгар оказались тщетными. 1/14 октября 1915 г. Болгария вступила в войну на стороне Центральных держав, начав военные действия против Сербии. В Манифесте императора Николая II (которому наследник болгарского престола царевич Борис приходился крестником) Болгария была обвинена в измене славянскому делу и черной неблагодарности, поскольку «недавно еще освобожденная от турецкого рабства братскою любовью и кровью русского народа, открыто встала на сторону врагов Христовой веры, славянства, России». «С горечью встретил русский народ предательство столь близкой ему до последних дней Болгарии и с тяжким сердцем обнажает против нее меч, предоставляя судьбу изменников славянства справедливой каре Божией», — отмечалось в царском манифесте³⁴. 6/19 октября Россия разорвала дипломатические отношения с Болгарией и вступила в состояние войны с ней.

«Еще год тому назад никто в России не мог бы подумать, чтобы в жизни Болгарии после 19 февраля³⁵, давшего ей самостоятельную жизнь, могло наступить 6 октября, которое, как тяжкий удар молота, предвещает наступление для Болгарии черных дней, — писали по этому поводу “Московские ведомости”. — Сколько оскорблений должно было испытать русское народное чувство, прежде чем истощилось долготерпение благодушного русского народа, и он решился с горечью отвернуться от созданного им государства, которое своим

освободителям и всему славянству отплатило черной неблагодарностью, коварством и изменой. Какой переворот должен был произойти в душе освобожденного от векового ига болгарского народа, если он призывает к себе в качестве союзника тех самых турок, от окончательного истребления которыми спасла его Россия!»³⁶ Отмечая далее, что царский манифест, возвещающий объявление войны Болгарии, является «истинным выражением народного чувства», издание выносило болгарам следующий приговор: «Мы верили, что болгары в последнюю минуту могут опомниться и понять, в какую пропасть влекут ее Фердинанд Кобургский и те отщепенцы собственного народа, которым золото врагов дороже собственной чести и будущности родины. Трудно было свыкнуться с мыслью, что болгары все успели забыть и способны поднять руку не только на братский славянский народ, но и на вечную покровительницу — Россию. Но сомнений никаких не оставалось: они оттолкнули руку России, они отрешились от славянской семьи и вступили в союз с врагами нашими»³⁷.

«Болгария — против России! — возмущалась правая “Земщина”. — Против России, освободившей Болгарию из-под турецкого ига, создавшей на своих костях и крови ее независимость!.. Но этого мало, Болгария выступает против России в союзе с Турцией, которая в течение пяти веков держала ее в унижительном рабстве, избивала население, насиловала ее женщин, оскверняла ее храмы! Теперь Болгария в объятьях Турции. И это не злословие, — это быль!..»³⁸ А черносотенное «Русское знамя» ответило на царский манифест стихотворением «Болгарский Каин», в котором также делался акцент на измену болгар, освобожденных Россией в 1878 г. от турецкого ига:

Дружбой ныне спаян
С вековым врагом,
Нож на брата Каин
Точит за столбом.
Бывший раб и пленник
С черною душой,
Позабыл изменник
Про позор былой:
Как, дрожа от страха,
В рабстве изнывал,
Слугам падишаха
Руки целовал;
Как его терзали
Сонмы палачей,
Как в гаремы брали
Силой дочерей.

Позабыл, спасенье
Кто принес ему,
И замыслил мщенье
Брату своему...
С злобой супостата,
Мурина черней,
Точит нож на брата
Каин — лиходея³⁹.

И только умеренно правый «Колокол», выразивший скорбные чувства в связи с тем, что «Россия — освободительница славянства — силою обстоятельств оказалась вынужденной объявить войну освобожденной ей Болгарии», уверял читателей, что не стоит смешивать болгарскую власть, представляющую собой «тевтонских наймитов», с народом, и выражал надежду, что простые болгары «не поднимут руки на русских воинов — сыновей освободителей, тех, которые создали независимость балканских народов своею любовью и своею кровью...»⁴⁰ «...Мы еще надеемся на болгарский народ, ибо знаем истинные чувства многих болгар, одни представители которого, во главе с доблестным Радко-Дмитриевым сражаются в рядах нашей армии, другие — переходят в русское подданство, третьи — протестуют у себя на родине и даже, быть может, в этот момент падают жертвами фердинандовского режима и политики Радославова...», — с надеждой заключало издание, но тут же делало оговорку: «...не будем обольщать себя: известная часть болгарской интеллигенции, окутанная кровавой пеленою, стоит на стороне наших и своих вековых врагов»⁴¹.

То обстоятельство, что еще недавно считавшиеся братскими русский и болгарский народы оказались в состоянии войны, ставило перед консерваторами вопросы: почему так получилось, кто в этом виноват и что делать?

Как уже отмечалось выше, главными виновниками вступления Болгарии в войну на стороне Центральных держав вполне естественно считались «балканский Вильгельм» Фердинанд Кобург, болгарские германофильские круги, а также немцы и австрийцы. Традиционно скептически настроенные в отношении деятельности российского внешнеполитического ведомства, русские консерваторы значительную часть вины возлагали именно на промахи «министерства странных дел», как они иронично прозвали МИД. «Только слепому не было очевидно, что Болгария не за нас, а против нас, — и этим слепцом оказалось именно то ведомство, которое должно было быть наиболее осведомленным», — писал консервативный публицист Д. М. Бодиско⁴². «Земщина» по этому поводу замечала: «Но кто же более виновен в создавшемся положении? Не мы ли сами? Вернее сказать, не наша ли дипломатия, допустившая отдачу Болгарии во власть принца Баттенбергского, а затем Кобургского... На что же рассчитывал князь Горчаков, соглашаясь освобожденных болгар от турецкого ига отдать под иго врагов

славянства? Что же он думал, — немецкие принцы будут защищать славян от порабощения их Австрией и Германией?.. Или он надеялся на конституцию, видя в ней народоправство?.. Какое убожество ума и понимания жизни!»⁴³ В результате этой недальновидной, по мнению издания, политики российского МИДа «свершилось то, что и должно было свершиться, — в роковую минуту, когда началась борьба насмерть славянства с германизмом, самое большое из независимых славянских государств на Балканах оказалось уже во власти немецкого принца Фердинанда Кобургского! Мы же это подготовили по своей расхлябанности, вечно гоняясь за призраками и политическими утопиями...»⁴⁴ Соглашался с этой оценкой и Д. И. Иловайский, в одной из своих публицистических заметок отмечавший: «Сотни тысяч русских жизней и миллиарды рублей стоило нам освобождение ее (Болгарии. — *Авт.*) от свыше четырехсотлетнего варварского турецкого ига. И вот теперь, когда пришел ее черед всеми своими силами и средствами отблагодарить свою Освободительницу, она занялась гнусным предательством. Но кто же более всего в том виноват? Да все тот же бывший Петербург-немцефил. Освободить славянский народ и посадить ему на шею немецкого принца — это значило в бочку меда влить уже не ложку, а целое ведро дегтю»⁴⁵. Особенно доставалось от историка ведомству С. Д. Сазонова, которое во время фиктивного нейтралитета Болгарии вело «какой-то бесконечный торг, выдвигало все новые условия, которых якобы требуют национальные болгарские интересы», при этом не желая понять, что Фердинанду нужно было «только выиграть время и оттянуть явный разрыв с Россией до решительно вторжения в нее Австро-Германии»⁴⁶. А лидер Союза русского народа и думской фракции правых Н. Е. Марков, упрекая МИД в том, что болгарская элита оказалась «подкупленной» немцами, а не Россией, заключал, что «чрезмерная любовь к чистоплотности наших дипломатов» обойдется России и Европе по крайней мере в лишние полгода войны⁴⁷. При этом Д. И. Иловайский и Н. Е. Марков называли среди виновников случившегося и российских либералов. По мнению Д. И. Иловайского, «антинационалы-отщепенцы» и «прислужники Кобурга» кадеты П. Н. Милюков и Н. И. Кареев сыграли не последнюю роль в формировании взглядов С. Д. Сазонова на «болгарский вопрос»⁴⁸. При этом Н. Е. Марков называл главной ошибкой российских дипломатов то, что они «слишком болгарствовали, слишком слепо шли по указке Милюкова, слишком мирволили Болгарии. Когда надо было подкупать и применять военную силу, они применяли дипломатические ноты и думали устыдить людей, от роду не имевших никакого стыда»⁴⁹.

Однако, по мнению другого правого издания — «Колокола», считать виновником «болгарской измены» исключительно российскую дипломатию было бы несправедливо, поскольку и наши союзники по Антанте, в том числе и Англия, еще за неделю до катастрофы говорили о дружеских чувствах к болгарскому народу и выражали уверенность в «благоразумности его правителей». «Болгарское поведение объясняется не одними кознями Фердинанда — Македонию всю, спорную и бесспорную, желают получить и австрофилы и русофилы Болгарии; это требование народа (в широком смысле) болгарского,

потому оппозиция в Софии столь слабо протестовала против авантюры Радославова. После братоубийственной бойни 1913 г. нам предстояло выбрать или Болгарию или Сербию; здесь компромисса не найти — Австрия знала это. Дипломатия наша стала на сторону Белграда — то диктовали интересы России; с того момента Болгария выступила против нас, сначала тайно, ныне же и явно», — отмечало издание⁵⁰. В итоге, отвечая на извечный вопрос «кто виноват», «Колокол» заключал: «Должно поставить точку над і: виновато наше славянофильство. Мы принимали его за нечто реальное, возились с славянскими делами, забывая самих себя, русских. Добродушные грезы наших прадедов задумали претворить в жизнь, жертвуя для него насущными требованиями здоровой политики. Сейчас наступила минута просветления, и странно слышать, как первыми высекали себя славянофилы 96 пробы. Вергуну, Башмаковы и КШнастаивают на карательном десанте в Варну, одновременно вещая о каком-то самоопределении славянских народов. Раз “оптимистами” явилось общество, теми же прегрешениями страдает и власть, отражающая общественные настроения»⁵¹.

С критикой славянофильских воззрений на Болгарию выступил и известный правый публицист, а в прошлом дипломат, Ю. С. Карцов, прочитавший в 1915 г. два доклада, посвященных выяснению роли Болгарии в балканских событиях и в европейской войне. «По вопросу о Болгарии между славянофилами и Карцовым лежала целая бездна, — общало “Русское знамя”. — Болгария была кумиром наших славянофилов. С Болгарией носились, на нее возлагали всякие всеславянские ожидания, в нее наконец просто “веровали”. Болгарофильство обратилось в культ, а братья Суворины явочным порядком записались главными жрецами болгарского божества. Нигде с таким смаком и аппетитом не именовали Фердинанда болгарского “его царским величеством” как в суворинских газетах. Карцов, живший долго в Болгарии и знавший болгарских политиканов не понаслышке, а по-настоящему, придерживался совсем других взглядов на этот народец. Будучи трезвым и реальным политиком, он не увлекался шумом славянофильских излияний и всегда указывал, что болгары на деле совсем не то, чем они хотят казаться при сношениях с нами. Это народ маленький и по территории, и по духу, но самолюбивый и одержимый манией величия. Болгары мечтают о создании великой Болгарии. По этому плану их царек должен быть византийским императором, а Царьград должен стать болгарской столицей. Россия с ее стремлением утвердить свое господство на Черном море, Россия, стремящаяся в силу своих насущнейших нужд и потребностей, к Босфорскому проливу и Царьграду, рассматривается с точки зрения этой болгарской политики, не как друг и покровитель, а как опаснейший враг. Когда наши славянофилы начинают изливаться в своих прекраснородушных порывах к всеславянскому братству, болгары им охотно поддакивают, но между собой смеются а называют славянофильство “русским идиотизмом”. Вот как понимал и понимает болгар и болгарскую политику Карцов, а так как он в то же время убежденный

русский патриот, то вы легко поймете, что он славянофильских восторгов перед болгарами никогда не разделял»⁵².

То обстоятельство что славянское государство Болгария выступило против остальных славян «в единении со злейшими врагами всего славянства», вынудило некоторых правых публицистов поставить вопрос об этнических корнях болгар. П. И. Ковалевский, сравнивая болгар с поляками, приходил к выводу, что в первых «закипела славянская кровь... отныне русские и поляки — братья и по крови и духу», а болгары — «в большинстве не славяне», ибо «это нация ославянившаяся, а потому и не движима благородными славянскими чувствами. Вот почему наши враги (поляки. — *Авт.*) стали нашими братьями, — а наши братья — врагами», — заключал Ковалевский⁵³. Один из авторов «Московских ведомостей», пускаясь в пространный исторический экскурс, весьма категорично и резко утверждал, что «колыбель народов — Азия наряду с благородными сынами дала уродов, тех демоноподобных гуннов, которые являются ближайшими родичами болгар». Демонизируя болгар, история которых рисовалась исключительно в черном цвете, автор заметки утверждал, что причиной тому «старая турецкая кровь», текущая в жилах этого народа: «...Прав Вильгельм немецкий, называя болгар не славянами, но прав лишь отчасти, так как раздвоена душа этого народа, как и его кровь...»⁵⁴ На эту мельницу лили воду и немцы, создававшие пропагандистский образ своих болгарских союзников как «балканских пруссов», чуждых славянству⁵⁵. Но такая трактовка «болгарской измены» еще в 1914 г. вызывала возражения у Д. И. Иловайского, который заявлял со страниц своей газеты «Кремль Иловайского»: «...Я усердно работал над вопросом начальной истории болгар и их происхождении; причем мои научные аргументы в пользу их славянства пока никем не опровергнуты, и убежден, что не могут быть опровергнуты. Теперь противники пытаются в самом поведении болгар при настоящих событиях найти доказательства неславянства. Напрасная попытка! Славяне издревле страдали разъединением, причем одни племена, враждуя с другими, помогали их неприятелям. И это разделение, несмотря на всю многочисленность славян, служило главною причиною их угнетения другими народами»⁵⁶.

Еще одну причину того, что болгары оказались в лагере, враждебном православным славянским народам, некоторые правые публицисты видели в том, что принадлежность к каноническому православию самой Болгарии вызывает большие вопросы. «Болгария всех времен была убежищем всякой враждебной православию секты, начиная с иконоборчества, — ведь только с императорами-иконоборцами Болгария и жила в мире, — и кончая богумильством, этим скрытым видом восточного манихейства, дожившего почти до последнего времени и давшего наибольшее число адептов болгарского католицизма», — утверждали, к примеру, «Московские ведомости»⁵⁷. В связи с тем, что несмотря на запрещение Константинопольского патриархата, Болгарская церковь в 1872 г. провозгласила себя автокефальной, чем положила начало «греко-болгарской схизме»

(ее автокефальный статус был признан только в 1945 г.), еще в конце XIX в. ряд видных консервативных публицистов (К. Н. Леонтьев, Т. И. Филиппов, Н. П. Гиляров-Платонов, Н. Н. Дурново), полемизируя со славянофилами, считали болгар раскольниками⁵⁸. Эта точка зрения в 1915 г. была поддержана одним из публицистов «Московских ведомостей», который, комментируя газетные заметки, сообщавшие, что России впервые приходится воевать с православным государством, так как со времени удельных войн русские не поднимали меча на своих единоверцев, замечал: «Если бы Болгария не находилась в схизме с Православной Великой Константинопольской Церковью и не находилась бы за это в отлучении от своего законного патриарха <...>, то такое рассуждение было бы правильно», но «с тех пор Болгария прекратила всякие сношения с православными Церквями Востока, и только русская Церковь не решалась прервать с ней церковного общения в надежде, что прискорбное разделение с греческим Константинопольским патриаршим престолом уладится и отлучение за схизму будет с нее снято. Между тем, Болгария никакой серьезной попытки к примирению с Православной Церковью не делала и вот уже третий раз подняла оружие, предательски напав на православную Сербию, с которую ее связывали если уже не религиозные, то кровные узы славянства»⁵⁹. На это же обстоятельство обращал внимание и такой авторитетный в консервативных кругах иерарх, как Антоний (Храповицкий), писавший в 1915 г.: «болгары как раскольники, прервавшие уже сорок лет тому назад свое общение с церковью, естественно, нашли в себе довольно бесстыдства, чтобы принудить свой народ, уже не впервые, поднять оружие против родственной по крови Сербии и своей избавительницы России»⁶⁰.

Война с Болгарией естественно требовала от русских консервативных кругов и ответа на вопрос о дальнейшей судьбе этого балканского государства. В связи с этим «Московские ведомости», отмечая, что до последнего времени симпатии России всегда были на стороне Болгарии, что объяснялось «теми жертвами, которые наше отечество принесло для этого несчастного народа», призывали правящие сферы и общество впредь «перестать смотреть на Болгарию как на наше любимое детище и не жертвовать в пользу этих вырожденков славянства интересами настоящих славянских народов и по духу, и по крови, которые видят в России свою естественную защитницу, к которой они искренне привязаны и которые умеют доказать своей могучей покровительнице свою нелицемерную благодарность»⁶¹. «Русский народ сумеет вырвать из своей груди ту любовь, которую он питал к освобожденному им болгарскому народу и перенесет ее на те народы, которые в трудный час расчетов с врагами славянства достойны ее, — писали «Московские ведомости». — Для болгар у него не будет никакого снисхождения. Они связали свою судьбу с немцами и понесут кару вместе с ними. Как не просуществовала Германская империя столетия и должна будет возвратиться в то состояние, из которого она вышла по милости русских монархов, так и Болгария, не просуществовавшая и сорока лет, будет поставлена в такое положение, что не будет

в состоянии не только угрожать миру, но и тронуть кого-либо из своих соседей»⁶². Д. И. Иловайский, в свою очередь, отмечал, что «настоящая Кобургиада вырыла глубокую пропасть между нами и болгарами», сумев вырастить в стране «значительную русофобскую партию, не встречающую себе энергичного отпора», а потому «Россия надолго отвернется от несчастной Болгарии, настоящее поведение которой навсегда будет заклеено названием Иуды-предателя»⁶³. «Никакого примирения России с ними быть не может, если Кобургская династия останется в Болгарии. Устранение ее это вопрос не только русского престижа, но и чести русского правительства, которому Кобург так предательски отплатил за свое признание. В Македонском вопросе прежде я был на стороне болгар; но после их предательства и той массы зла, какую они нам причинили, разумеется, Македония должна быть отобрана и отдана сербам. [...] А если бы паче чаяния исход войны воспрепятствовал нам достойным образом расправиться с Кобургом и болгарами, мы должны выслать из России всех болгарских подданных, прервать с Болгарией всякие сношения и игнорировать ее существование», — резюмировал Д. И. Иловайский⁶⁴. Об этом же говорил в своих выступлениях и Ю. С. Карцов, также полагавший, что в будущем Россия должна относиться к Болгарии, руководствуясь исключительно началами реальной политики, навсегда оставив легенду о «болгарском братстве», поскольку деление болгар на русофилов и русофобов является чистой бутафорией, заведенной для того, чтобы втирать очки «русскому идеализму», ибо «на самом деле все болгары — маньяки величия, все мечтают о Константинополе и все боятся и ненавидят Россию»⁶⁵. В связи с этим лидер Союза русского народа Н. Е. Марков даже задавался вопросом: «надо ли сохранять Болгарию после войны?», и в качестве минимальной меры призывал решительно положить конец правлению «германских князьков» в славянских землях⁶⁶. Однако желание русских правых наказать болгар-предателей омрачалось опасением, что российский МИД будет недостаточно строг с «братушками». 15 августа 1916 г. Л. А. Тихомиров записал в дневнике: «Может быть, только одна Болгария подлее Румынии и Италии. И вот опять обидно: если будет наша победа, то мы не сумеем наказать эту расу Искарриотов так, как она заслуживает. Ничего ей не будет, разве только получит от нас. Вот что оскорбительно. Мы же отдадим — не только южную Буковину, а наверное и Бессарабию, хоть часть... И таким негодьям, шакалам и гиенам. Это ужасно. Этот Вильгельм и немцы — как сами лишились образа человеческого, так и в куче прочих народов развили все мерзкие чувства — конечно по силам каждого. Германия попыталась быть тигром, а мелкая дрянь — Италия, Болгария, Румыния играют роль шакалов и гиен — стервоядных хищников (подчеркнуто в оригинале. — *Авт.*)»⁶⁷.

В 1916 г., когда русским и болгарским войскам пришлось сойтись на Румынском фронте, обнаружилось, что болгары не только оказались упорным врагом, но и «проявили неожиданное для противника поведение, в сущности, проводя тактику выжженной земли»⁶⁸. Также «много было сообщений о зверствах болгар по отношению к мирному населению:

угоняли и разоряли румынское население, сжигали их села, сжигали в церквях иконы и другую церковную утварь, насиловали женщин “старого и детского возраста” и даже вырезали у них груди»⁶⁹. В ответ у русских «ненависть к болгарам порождала действия, доходившие до жестокости, чего не проявлялось ни к одному противнику во время войны»⁷⁰. В одном из солдатских писем с фронта отмечалось: «Будем надеяться, что скоро будем читать, что русские войска вошли в Константинополь, Вену и Берлин, а Софию разгромили, не оставив камня на камне»⁷¹. Современный историк пишет, что противоборство с болгарями на фронте имело одним из последствий перенесение представлений о беспощадности к предателям на ситуацию в тылу: «Не случайно такое ожесточенное отношение к “братушкам” совпало с усилением взглядов на необходимость покончить с внутренними врагами русских солдат в самой России»⁷².

Даже после окончания войны этот негативный осадок остался. Богослов, педагог и консервативный публицист Д. В. Скрынченко, оказавшись после революции в вынужденной эмиграции, неоднократно фиксировал в дневнике факты возмутительного отношения к русским эмигрантам со стороны болгар. Вот записи, сделанные в конце 1928 г.: «Прочитал воспоминания... Владимира Ивановича Майбородова. Интересен тут рассказ об одном... болгарине, участнике войны 1877 г., 75-летнем старике. По объявлении Болгарией войны в 1915 г. он, как сторонник русских, “был интернирован и перетерпел с другими русскими массу лишений от тех, за кого он в 1877–1878 гг. проливал кровь... По рассказам моего знакомого инженера, брат его, как и всякий болгарский подданный, перед выступлением Болгарии, на каком-то собрании своей партии, голосовавшей за объявление войны России, спросил лидера этой партии: А что же вы будете делать с могилами 200 000 русских, пожертвовавших свою жизнь за освобождение Болгарии? — Будем *срать* ходить на них, был ответ”... О, пусть неблагодарные грубые болгары плюют на Россию; она еще покажет себя... И горе будет тем, которые не постеснялись заушать и “срать”, как выразился болгарин, на Россию...»⁷³

В ходе войны разочарование консерваторов в славянофильских идеалах получило свое обоснование. Оказалось, что Россию и русских хвалили, пока в них нуждались. В итоге, как показала жестокая реальность Первой мировой войны, геополитические интересы оказались выше рассуждений о нерушимом славянском единстве.

¹ Леонтьев К. Н. Наше болгаробесие // Леонтьев К. Н. Избранное / Сост., вступ. ст., комм. А. В. Репникова. М., 2010. С. 246–247. — Здесь и далее курсив оригинала.

² Там же. С. 248–249.

³ Там же. С. 251–252.

⁴ Там же. С. 253.

- ⁵ Ковалевский П. И. Русский Национализм и национальное воспитание России. СПб., 2006. С. 87.
- ⁶ Винберг Ф. В. Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. М., 1997. С. 95.
- ⁷ Иловайский Д. И. Болгария и пангерманизм // Иловайский Д. И. Мелкие сочинения, статьи и письма. 1857–1887 гг. М., 1888. С. 391.
- ⁸ Там же. С. 390.
- ⁹ Иловайский Д. И. Заключительные речи // Иловайский Д. И. Мелкие сочинения, статьи и письма. 1857–1887 гг. М., 1888. С. 406–407.
- ¹⁰ Там же. С. 411–412.
- ¹¹ Иловайский Д. И. Некоторые вопросы внешней политики // Иловайский Д. И. Мелкие сочинения, статьи и письма. Вып. 2. М., 1896. С. 360–361.
- ¹² [Иловайский Д. И.] Прощай, Болгария // Кремль Иловайского. 1914. № 56/58. 30 декабря.
- ¹³ Воронкова Е. В. Болгария в Первой мировой войне глазами кадетской оппозиции // Альманах современной науки и образования. 2010. № 4. С. 10.
- ¹⁴ Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 306.
- ¹⁵ Богомолов И. К. Русская печать и борьба вокруг «болгарского займа» в январе–июле 1914 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2–2. С. 32.
- ¹⁶ Болгарские увертки // Курская быль. 1915. 18 сентября.
- ¹⁷ [Иловайский Д. И.] Прощай, Болгария // Кремль Иловайского. 1914. № 56–58. 30 декабря.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост., публ., вступ. ст., комм. А. В. Репникова. М., 2008. С. 101.
- ²⁰ Б. Г. Гибельный шаг Фердинанда Болгарского // Московские ведомости. 1915. 22 сентября (5 октября).
- ²¹ Там же.
- ²² Предостережение Болгарии // Московские ведомости. 1915. 18 (31) сентября.
- ²³ Кобургиада // Московские ведомости. 1915. 22 сентября (5 октября).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Б. Г. Гибельный шаг Фердинанда Болгарского // Московские ведомости. 1915. 22 сентября (5 октября).
- ²⁶ Летопись войны 1914–15–16 гг. 1916. № 83. 19 марта. С. 1326.
- ²⁷ Глинка С. Орудие злой силы // Земщина. 1915. 22 сентября.
- ²⁸ Торком А. Х. Письмо болгарина-офицера // Земщина. 1915. 12 сентября.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Вез В. Г. Проданная Болгария // Московские ведомости. 1915. 16 (29) октября.
- ³¹ Болгарские увертки // Курская быль. 1915. 18 сентября.
- ³² Злотников Л. Наконец-то! // Русское знамя. 1915. 22 сентября.
- ³³ Дубакин В. И. Остановитесь! // Русское знамя. 1915. 18 октября.
- ³⁴ Вечернее время. 1915. 7 (20) октября; Русское знамя. 1915. 7 октября; Земщина. 1915. 7 октября.
- ³⁵ 19 февраля (3 марта) 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мирный договор, завершивший русско-ту-рецкую войну 1877–1878 г., который имел огромное значение для освобождения балканских славян (в том числе и болгар) от османского ига.
- ³⁶ Объявление войны Болгарии // Московские ведомости. 1915. 7 (20) октября.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Глинка С. Безумные авантюры // Земщина. 1915. 25 сентября.
- ³⁹ В. А. Болгарский Каин // Русское знамя. 1915. 4 октября.

- ⁴⁰ К русско-болгарской войне // Колокол. 1915. 8 октября.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Бодиско Д. М.* Мысли консерватора // Российский гражданин. 1916. № 16. 24 апреля. С. 2–3.
- ⁴³ *Глинка С.* На кого досадовать? // Земщина. 1915. 1 октября.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ [*Иловайский Д. И.*] Бывший болгарский нейтралитет и наша дипломатия // Кремль Иловайского. 1915. 17 октября.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Пг., 1916. Стб. 3302.
- ⁴⁸ [*Иловайский Д. И.*] 1) Прощай, Болгария // Кремль Иловайского. 1914. 30 декабря; 2) Бывший болгарский нейтралитет и наша дипломатия // Кремль Иловайского. 1915. 17 октября.
- ⁴⁹ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Пг., 1916. Стб. 3302.
- ⁵⁰ *Русский.* Несправедливые упреки // Колокол. 1915. 27 сентября.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² *Ухтубужский П. Ю. С.* Карцов о Болгарии. (По поводу недавних докладов) // Русское знамя. 1915. 1 ноября.
- ⁵³ *Ковалевский П. И.* Немцы (Психологический очерк) // Наши враги. Очерки проф. П. И. Ковалевского, С. Н. Сыромятникова (Сигма) и А. М. Михайлова. Библиотека «Голоса Руси». Вып. 1. Пг., 1915. С. 5.
- ⁵⁴ *С. К.* Болгары в истории // Московские ведомости. 1915. 20 октября (2 ноября).
- ⁵⁵ *Штайн О.* Культурные различия и коалиционная война. Немецкий взгляд на болгар во время Первой мировой войны 1915–1918 гг. // Клио. 2011. № 3. С. 50.
- ⁵⁶ [*Иловайский Д. И.*] Прощай, Болгария // Кремль Иловайского. 1914. 30 декабря.
- ⁵⁷ *С. К.* Болгары в истории // Московские ведомости. 1915. 20 октября (2 ноября).
- ⁵⁸ См.: *Котов А. Э.* Русская консервативная журналистика 1870–1890-х гг.: Опыт ведения общественной дискуссии: Монография. СПб., 2010. С. 4, 12, 89–90, 102–103 и др.
- ⁵⁹ *Н. Т.* Православна ли Болгария? // Московские ведомости. 1915. 13 (26) октября.
- ⁶⁰ *Антоний (Храповицкий).* Чей должен быть Константинополь? Ростов-на-Дону, 1916. С. 7.
- ⁶¹ *Н. Т.* Православна ли Болгария? // Московские ведомости. 1915. 13 (26) октября.
- ⁶² Объявление войны Болгарии // Там же. 1915. 7 (20) октября.
- ⁶³ [*Иловайский Д. И.*] Бывший болгарский нейтралитет и наша дипломатия // Кремль Иловайского. 1915. 17 октября.
- ⁶⁴ [*Иловайский Д. И.*] Великая Европейская война и Балканское славянство // Там же. 1916. 26 марта.
- ⁶⁵ *Ухтубужский П. Ю. С.* Карцов о Болгарии. (По поводу недавних докладов) // Русское знамя. 1915. 1 ноября.
- ⁶⁶ Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Пг., 1916. Стб. 3302.
- ⁶⁷ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. С. 264.
- ⁶⁸ *Асташов А. Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: Военный опыт и современность. М., 2014. С. 253.
- ⁶⁹ Там же. С. 254.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же. 152.
- ⁷² Там же. С. 255.
- ⁷³ *Скрынченко Д. В.* Обрывки из моего дневника / Пред. и подгот. текста В. Б. Колмакова; примеч. А. Б. Арсеньева, В. Б. Колмакова, В. А. Скрынченко. М., 2012. С. 178–179.

УДК 94(100)»1914/19»

Иванов А. А., Репников А. В. «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 197–217.

АННОТАЦИЯ: В статье впервые в отечественной и зарубежной историографии освещается отношение русских правых к вступлению Болгарии в Первую мировую войну на стороне Германии, Австро-Венгрии и Османской империи. Основанная на материалах периодической печати, публицистике, дневниковых записях и публичных выступлениях лидеров русского монархического движения, публикация существенно расширяет представление о взглядах российских консерваторов на славянский вопрос, Болгарию и болгар, внешнюю политику Российской империи накануне и во время Первой мировой войны. Осудив вступление Болгарии в войну на стороне германо-австро-турецкого блока, русские консерваторы предприняли попытку отделить болгарский народ от его правящих кругов, но не встретив массового протеста со стороны болгарского общества действиями Софии, распространили свое негодование на болгар в целом. Исследователи рассматривают отношение русских публицистов и правых консервативных политиков к болгарскому народу и его политическому руководству на протяжении всей Первой Мировой войны: начиная свой анализ еще с довоенных событий и постепенного охлаждения между двумя странами, часто воспринимаемое как предательство болгарями освободившей их от «турецкого ига» России и тщетными надеждами на возвращение Болгарии к союзу с Петербургом, до полного разочарования русских правых политиков в болгарской позиции и народе в целом. Таким образом, Первая мировая война дала обоснование уже намечившемуся в довоенное время разочарованию значительной части русских консерваторов в славянофильских идеалах, показав на примере Болгарии, что геополитические интересы оказались выше рассуждений о нерушимом славянском единстве. Статья является продолжением работы авторов по истории русского правого, монархического и консервативного движения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, русские консерваторы, русские правые, Болгария, болгары, Фердинанд I.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Иванов А. А.* — доктор исторических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); andriv78@yandex.ru | *Репников А. В.* — доктор исторических наук, профессор, Российский университет театрального искусства (Москва, Россия); rgaspi@inbox.ru

Ivanov A. A., Repnikov A. V. “Bulgarian’s treason”: Russian Right Politics About Bulgaria’s Entry into the First World War on the Side of the Central States

ABSTRACT: The attitude of Russian rights to the Bulgaria’s entering into World War I on the side of Germany, Austro-Hungary and the Ottoman Empire is investigated in this article for the first time in home and foreign historiography. Based on the materials of periodicals, journalistic works, notes of diaries and public speeches of the Russian monarchists’ leaders the publication significantly expands the views of the Russian conservatives on Slavic problem, Bulgaria and the Bulgarians, the foreign policy of Russian empire before and during World War I. Having accused the entering Bulgaria into the war on the side of Germany-Austro-Turkish union, the Russian conservatives circles took the attempt to separate Bulgarian people from their government. But not meeting the mass protest from the side from the Bulgarian society, they spread their indignity on the Bulgarian. Researchers consider the attitude of Russian journalists and right-wing conservative politicians to the Bulgarian people and its political leadership throughout the all First World War. So World War I gave the base to having been existed disappointment of the great part of the Russian conservators in Slavophile’s ideals, showing on Bulgarians example that geopolitical interests remained above the judging about Slavic unity. The article is a continuation of the author’s work on the history of Russian right, monarchist and conservative movement.

KEYWORDS: World War I, Russian conservatives, Russian rights, Bulgaria, the Bulgarians, Ferdinand I.

AUTHORS: A. A. *Ivanov* — Doctor of History, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia); andriv78@yandex.ru | A. V. *Repnikov* — Doctor of History, Associate Professor, The Russian University of Theatre Arts (Moscow, Russia); rgaspi@inbox.ru

REFERENCES:

- ¹ Leontyev K. N. *Izbrannoe*, comp., introd. and comm. by A. V. Repnikov (Moscow, 2010).
- ² Kovalevskii P. I. *Russkii Natsionalizm i natsionalnoe vospitanie Rossii* (St. Petersburg, 2006).
- ³ Vinberg F. V. *Krestnyi put'*. P. 1. *Korni zla* (Moscow, 1997).
- ⁴ Ilovaiskii D. I. *Melkie sochineniia, stati i pisma. 1857–1887* (Moscow, 1888).
- ⁵ *Kreml Ilovaiskogo*, 1914, No. 56/58, 30 December.
- ⁶ Voronkova E. V. 'Bolgariia v Pervoi mirovoi voine glazami kadetskoii oppozitscii' in *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2010, no. 4.
- ⁷ *Kratkaia istoriia Bolgarii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* (Moscow, 1987).
- ⁸ Bogomolov I. K. 'Russkaia pechat i borba vokrug «bolgarskogo zaima» v ianvare–iiule 1914 g.' in *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 2–2.
- ⁹ *Kurskaia byl*, 1915, 18 September.
- ¹⁰ *Dnevnik L. A. Tikhomirova. 1915–1917 gg.*, comp., introd. and comm. by A. V. Repnikov (Moscow, 2008).
- ¹¹ Glinka S. 'Orudie zloi sily' in *Zemshchina*, 1915, 22 September.
- ¹² Torkom A. Kh. 'Pismo bolgarina-ofitcera' in *Zemshchina*, 1915, 12 September.
- ¹³ Vez V. G. 'Prodannaia Bolgariia' in *Moskovskie vedomosti*, 1915, 16 (29) October.
- ¹⁴ Zlotnikov L. 'Nakonetc-to!' in *Russkoe znamia*, 1915, 22 September.
- ¹⁵ Dubakin V. I. 'Ostanovites!' in *Russkoe znamia*, 1915, 18 October.
- ¹⁶ Bodisko D. M. 'Mysli konservatora' in *Rossiiskii grazhdanin*, 1916, no. 16, 24 April.
- ¹⁷ Glinka S. 'Na kogo dosadovat?' in *Zemshchina*, 1915, 1 October.
- ¹⁸ *Gosudarstvennaia дума. Sozyv IV. Sessii IV. Stenograficheskie otchety* (Petrograd, 1916).
- ¹⁹ Ukhtubuzhskii P. 'Yu. S. Kartcov o Bolgarii. (Po povodu nedavnikh dokladov)' in *Russkoe znamia*, 1915, 1 November.
- ²⁰ Kovalevskii P. I. 'Nemtsy (Psikhologicheskii ocherk)' in *Nashi vrugi. Ocherki prof. P. I. Kovalevskogo, S. N. Syromiatnikova (Sigma) i A. M. Mikhailova*, Biblioteka «Golosa Rusi», Iss. 1 (Petrograd, 1915).
- ²¹ Shtain O. 'Kulturnye razlichii i koalitsionnaia voina. Nemetckii vzgliad na bolgar vo vremia Pervoi mirovoi voiny 1915–1918 gg.' in *Klio*, 2011, no. 3.
- ²² Kotov A. E. *Russkaia konservativnaia zhurnalistika 1870–1890-kh gg.: Opyt vedeniia obshchestvennoi diskussii: Monografiia* (St. Petersburg, 2010).
- ²³ Astashov A. B. *Russkii front v 1914 – nachale 1917 goda: Voennyi opyt i sovremennost* (Moscow, 2014).
- ²⁴ Skrynchenko D. V. *Obryvki iz moego dnevnika*, Comp. and introd. by V. B. Kolmakov, comm. by A. B. Arsenev, V. B. Kolmakov, V. A. Skrynchenko (Moscow, 2012).